

НОРМЫ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА: МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ КОНФЛИКТА

Правовой обычай — явление, мало изученное в современном отечественном обществознании. Признавая обычай одним из своих источников, российская правовая система ставит его в конец иерархии «закон — иные нормативные акты — нормативный договор — обычай». Вместе с тем в последние 10–20 лет интерес к правовым обычаям несколько вырос. Появились исследования междисциплинарного характера, объектом которых являются правовые отношения в контексте национально-культурного «ландшафта». Их обозначают как юридическую антропологию¹, или нормативную этнографию.

В самом общем виде «обычаем называется правило поведения, сложившееся вследствие фактического его применения в течение какого-либо продолжительного времени»². Соответственно правовым является обычай, признанный государством. Это подразумевает ряд условий:

— длительное непрерывное осуществление определенного образца поведения в обществе или социальной группе;

— определенность обычая, то есть возможность точного установления его содержания;

— признание юридического значения обычая со стороны государства.

Заметим, что, в отличие от прецедента, источником которого всегда является правоприменение, правовой обычай может иметь свое начало в правотворческой или иной внесудебной процедуре (деловой и торговый оборот, деятельность арбитража, традиции крестьянской общины и пр.);

— сообразность обычая нормам действующей морали, его разумность, то есть добровольное его признание большинством общества³.

¹ См., например: *Тишков В. А.* Антропология права — начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: Стратегия, 2000. С. 7–14.

² Правоведение: учебник для вузов / под ред. С. Н. Бабурина. М.: Норма, 2003. С. 14.

³ Там же. С. 15–16; *Смирнова М. Г.* Правовой обычай в системе источников российского права // Ленинградский юридический журнал. 2007. Март. С. 44.

Как было сказано, правовой обычай не слишком часто применяется в системе российского права. Вместе с тем, если подойти к определению и функциональному анализу правового обычая с более широких позиций, нежели позитивно-правовое видение, можно оценить его роль по-другому. Примером является социокультурный подход, в соответствии с которым общественное явление рассматривается как часть культуры конкретного общества. Это относится и к культурным институтам⁴, к числу которых мы относим правовые обычаи.

Какие обычаи мы можем выделить в отечественной правовой культуре, используя социокультурный подход? Исходя из упомянутых признаков правового обычая, мы предлагаем считать таковыми «отложенную демократию», или «царизм». Эти понятия не являются полностью тождественными, так как, строго говоря, обозначают разные явления. Если первое подразумевает практическое бездействие некоторых демократических институтов, то второе определяется как фактический полный синоним российской монархии послепетровского периода. Тем не менее в контексте данного исследования мы склонны использовать их как тождественные, то есть выражающие равенство нескольких предметов.

Анализ содержания обоих понятий показывает, что они оба отвечают признакам правового обычая:

— *длительно и непрерывно существуют в обществе*. Мы склонны отнести сюда всю отечественную историю, за исключением краткого периода общественной активности 1986–1996 годов;

— *содержание «отложенной демократии» вполне определено*: склонность значительной части общества к неучастию в политической борьбе, а также стремление переложить бремя ответственности на верховную власть. Психологически такое поведение, на первый взгляд, понятно: на дворе очередные крутые перемены, стране нужна твердая рука, чтобы избежать хаоса;

⁴ См.: *Запесоцкий А. С., Марков А. П.* Становление культурологической парадигмы. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 23. (Дискуссионный клуб Университета ; Вып. 10).

— *признание юридического значения «отложенной демократии»* со стороны государства налицо. Подтверждением тому является действующая Конституция, как известно, написанная под Б. Н. Ельцина и страну, находившуюся в начале очередного переходного периода своей истории. Не единожды многими правоведами отмечался ее сильнейший перекос в сторону исполнительной власти, фактически «суперпрезидентский» характер нашей республики, закрепленный в ст. 80–117. Разумеется, было бы странно, если бы Конституция прямо устанавливала право неучастия гражданина в политической жизни. Однако сам факт наличия гипертрофированных полномочий президента косвенно легитимизирует тот самый «царизм», когда народ вправе избрать верховного правителя, а затем фактически передать ему всю полноту власти, включая суверенитет;

— *сообразность «отложенной демократии» нормам действующей морали, ее разумность, то есть ее добровольное признание большинством общества* является, пожалуй, наиболее сложным аспектом нашей темы. Упомянутое выше стремление большей части общества переложить бремя ответственности на верховную власть является очевидным, но явно недостаточным объяснением живучести «царизма». Это вопрос социальной психологии масс, их отношения к истории своей страны, то есть, по сути, культуры.

Проблема отрыва правовой нормы от социальной действительности не нова, о ней писали многие ученые-обществоведы, включая классиков отечественной теории права (Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев и др.). Какие фундаментальные основания обозначенного явления можно выделить? Для этого необходимо обратиться к инструментарию социальной психологии. На наш взгляд, источником отчуждения права от культуры (и нравственности) может быть явление *раздельного мышления*, или «двоемыслия» (Дж. Оруэлл).

В мировой психологии термин «раздельное мышление» обозначает механизм психологической защиты, проявляющийся в том, что противоречия

между какими-то мыслями, идеями, отношениями или формами поведения упорно не осознаются субъектом социального действия. Раздельное мышление — это защитный механизм, позволяющий человеку уместить в себе логически несовместимые установки. Если по каким-либо причинам человек нуждается в каждой из своих несовместимых установок, то осознание возникающего противоречия начинает занимать мысли попытками это противоречие разрешить. Чтобы этого не происходило, человек может начать «раздельно мыслить» — не осознавая противоречия между ними, придерживаться всех несовместимых установок сразу⁵.

Художественному мышлению несколько ближе оруэлловский термин «двоемыслие» — способность придерживаться двух противоположных убеждений одновременно⁶. Несколько более подробное определение дает Е. Я. Бурлина: двоемыслие — это «совмещение и „принудительное единство“ диаметрально противоположных мнений; забвение или „выворачивание наизнанку“ определенных глав истории, если того требует политическая целесообразность, насаждаемая властями; „черное есть белое“»⁷. Придерживаясь традиционного понимания произведения Дж. Оруэлла, она относит данное явление к тоталитарным обществам; в данном контексте удачный синоним двоемыслия — «тайная вера».

Отдавая должное сложившейся трактовке оруэлловского произведения, мы склонны рассматривать явление двоемыслия в более широком историческом диапазоне. Здесь могут оказаться полезными помимо собственно исторических исследований художественные произведения и философские труды. Так, Ж. Г. Смирнова склонна считать причиной двойственности (амбивалентности) русского национального характера географию и климат: «...на любом этапе своего становления и исторического развития русская

⁵ См.: Мак-Вильямс Н. Психодиагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе : пер. с англ. М. : Класс, 1998.

⁶ См., например: Альтман Ю. И. Двоемыслие как рассогласование ценностных ориентаций: интегративно-психологический подход // Современные исследования социальных проблем (Modern Research of Social Problems). 2015. № 5 (49). С. 599–607.

⁷ Бурлина Е. Я. Хронотип двоемыслия: бункер Сталина на улице Шостаковича // Южно-Российский музыкальный альманах. 2014. № 2 (15). С. 77.

культура как бы двоится, представляя одновременно два отличных друг от друга лица. Европейское и азиатское, оседлое и кочевое, христианское и языческое, светское и духовное, официальное и оппозиционное, коллективное и индивидуальное — эти и подобные пары противоположностей свойственны русской культуре с древнейших времен и сохраняются фактически до настоящего времени. Двоеверие, двоемыслие, двоевластие, раскол — это лишь немногие из значимых для понимания истории русской культуры понятий, выявляемых уже на стадии древнерусской культуры»⁸.

Со своей стороны Ю. А. Левада выдвинул концепцию «человека лукавого», то есть способного всю жизнь придерживаться двойных стандартов в морали. Данный психологический тип принимает черты архетипа отечественной культуры, ее вневременного, глубинного первообраза: «Он приспособливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в ее нормативной системе, то есть способы использовать в собственных интересах существующие в ней правила игры, и в то же время — что не менее важно — постоянно пытаюсь в какой-то мере обойти эти правила»⁹. Этот тип поведения характерен для всех слоев общества, высших и низших. Его источником является постоянное перенапряжение сил при фактической ясности бесполезности этого перенапряжения. Принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку требований приводит к релятивизму и фактической девальвации ценностных систем — сосуществованию большой и малой правды, перспективных и сиюминутных интересов и пр. Вековая традиция лжи и лицемерия выразилась в архетипе «лукавого человека», потому что иному типу выжить в этой действительности практически невозможно.

Несмотря на большое внимание, которое Ю. А. Левада уделяет советскому варианту «человека лукавого» (его исследование так и называлось — «Советский человек»), он справедливо указывает, что «лукавое стремление

⁸ Смирнова Ж. Г. Влияние географического положения и климатических особенностей на национальный характер русских // Вестник славянских культур. 2008. № 3–4. С. 137.

⁹ Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. Янв.-февр. № 1 (45). С. 19.

обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши в нормативных системах разного уровня (социальных, групповых, личностных) может быть обнаружено у людей всех времен и народов»¹⁰. Это подтверждает предположение, что склонность нашего общественного сознания к двоемыслию имеет довольно давние источники, не ограничивающиеся историей XX в., поэтому вышеупомянутый тезис Е. Я. Бурлиной о сугубо советской природе явления двоемыслия видится по меньшей мере тенденциозным.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза об «отложенной демократии» («царизме») как отечественном правовом обычае получает веское социально-психологическое обоснование. Насколько он укоренен и будет ли иметь место в будущем? Очевидно, да, если государство не озаботится введением четких и разумных правил игры, начиная с самого высокого уровня — конституционно закрепленной официальной *государственной идеологии*¹¹. Тем более что возможность отдельных преобразований, в частности внесения изменений в текст действующей Конституции, признается на достаточно высоком уровне¹².

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Запесоцкий А. С.* Запрет идеологии в Конституции — вредное недоразумение // Парламентская газета. 2016. 18–24 нояб. С. 19.

¹² См.: *Зорькин В.* Буква и дух конституции // Российская газета. Фед. вып. 2018. 9 окт. № 7689 (226).